

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Надежда КАЛАШНИКОВА
Мечта дракона

Сказка

Новокузнецк
2015

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

К17

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна

Мечта дракона : сказка / Надежда Калашникова ;
[ответственный за выпуск – Калашников Н.Н.] ;
Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя,
Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики
«Контакт». – Новокузнецк, 2015. – 20 с. : портр., ил.

©Надежда Калашникова
Фото Александра Бокина

КАЛАШНИКОВА Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии в 2014 году. Работает на кафедре психологии. Первая публикация – сказочка «Как заяц зиму победил» – в газете «Губернские ведомости» за 19 мая 2001 г. В 2009 году вышла её первая книжка – сказка «Королевство Сердце». В 2011 году вышли её книжечки «Пушистая сказка» и «По зелёной жёрдочке». В 2014 году вышла её книжечка «"Шут и король" и другие сказки для детей от семи до семидесяти» В Кемеровском отделении Союза писателей России готовится к выходу книга её сказок и рассказов «Шутов не нанимают».

По воде бежит рябь, переливаясь под солнцем. Закутанная в серый плащ фигура стоит, укрываясь среди буйства зелени, и наблюдает за девушкой, сидящей на кромке берега.

Руки её не знают покоя – теребят подол платья, перебирают мелкую гальку под ногами... или просто сжимаются в замок до побелевших костяшек. Им бы обнимать золотой изгиб арфы, касаться натянутых, как тетива, струн в поиске мелодии – грустной, восторженной ли, но всегда проникающей в самое сердце...

– Почему же ты не играешь, менестрель?.. – кажется, спрашивает ветер, ласково треплющий светлые волосы девушки. – Почему?.. – чудится, шепчутся листья в высоких кронах, порой отпуская своего собрата в полёт, и тот, кружась, приземляется ей на колени, словно стараясь утешить. Но сухи серые, как осеннее небо, глаза, обращённые вдаль, и покинули их прежние задорные искорки.

– Ветер, ласковый ветер, – едва слышно шепчут губы, словно не хотят отпускать на волю печаль даже в одиночестве. – Мою госпожу унёс дракон... Долго ли мне ещё ждать её возвращения? Я бы играла в ожидании, но проклятый ящер унёс и мою арфу... И с тех пор не находят применения руки, и скована молчанием душа...

Фигура в плаще также неслышно отступает назад. А серые глаза закрываются, и словно наяву встаёт тот день перед арфисткой...

Солнце пронизывает королевский сад, и зелень листвы плещется в его лучах, радуясь погожему дню. На резной скамейке под распустившимся кустом белых роз сидит девушка с точёным гордым профилем. Голубое одеяние её расшито золотыми нитями, и золотой же обруч охватывает тёмные волосы.

– Эхеан, ты снова навеваешь тоску!.. – капризно обращается она к другой девушке, наигрывающей на арфе печальную музыку. – Сыграй что-нибудь весёлое наконец!..

Пальцы арфистки замирают над струнами, последний протяжный аккорд всё ещё длится...

И обрывается внезапным рёвом, от которого тёплая кровь холодеет. Солнце меркнет, перекрываясь громадным крылатым телом. Зелёная чешуя искрится и переливается. Дракон, круша деревья и клумбы, опускается рядом и, сверкнув янтарными глазами, рокошет:

– А! Тебя-то мне и надобно, королевская дочка!.. – и тянется к ней лапой с кривыми когтями; каждый – величиной с ладонь. Принцесса, опомнившись, поднимает визг. От дворца уже торопится стража с мечами – но чем броне страшна сталь?..

Менестрель же, заслонившая собой принцессу, не имела и её. Так нелепа фигурка в сером платье, что пытается закрыть от дракона его добычу...

– Думаешь, сумеешь мне помешать? – смех вырывается из пасти вместе с язычками пламени, и один из них опалает Эхеан.

Принцесса замолкает – от неожиданности. Райнен Великолепная привыкла, что ловят её каждое слово и повеление, но от застенчивой арфистки не ждала подобного поступка.

Кричавшую и потрясавшую железом стражу отделяет от девушек шагов пять. Дракон не ждёт, пока те их преодолеют: вытянув левую лапу, подхватывает принцессу и разводит за спиной крылья.

...Уже поднимаясь в воздух, другой лапой он цапнул из рук Эхеан музыкальный инструмент – её арфа была покрыта золотом.

В сумраке пещеры вспыхивают искрами драгоценности, грудями сваленные повсюду. Изобилие сокровищ ошеломляет даже Райнен, хотя к золоту принцессе не привыкать.

– И всё-таки: зачем я тебе? – спрашивает она, когда понимает, что есть её или заживо сжигать никто не собирается. – Почему драконы с таким упорством стремятся заполучить принцессу?..

Оглядевшись в поисках места, куда можно присесть, Райнен устало опускается прямо на кучу золотых монет: они также холодны, но хотя бы не колются.

– Это я сам хотел бы знать, – грустно отвечает чудовище. Положив голову на передние лапы, ящер задумчиво рассматривает пленницу. – Драконы всегда воруют принцесс и создают огромные запасы сокровищ. Я не знаю, почему они так поступают, но раз я дракон, – тяжёлый вздох проносится по пещере, – то надо соответствовать...

Принцесса осторожно произносит:

– Ты... как будто не рад быть драконом?..

Чудовище снова изрыгает пару язычков пламени. Усмехается?..

– Я был человеком. А как-то раз... поигрался с амулетом одним удачно... – дракон отводит взгляд. – Кстати, меня зовут Зольтах.

Райнен немного смущена: мужчина, судя по голосу – молодой... может, ещё и красивый... Она опускает голову, надеясь, что в полумраке тот не заметит её внезапного румянца.

– Колдунью просил я вернуть мне прежний облик... Она засмеялась и ответила, что человеком меня обратно сделает только человек. А кто, как и, главное, когда – не сказала...

Солнце пронизывает королевский сад, и зелень листвы плещется в его лучах, радуясь погожему дню. Юноша-садовник занят привычным

делом: подравнивает кусты белых роз – они вот-вот должны распусться. Выдирая малейшие сорняки вокруг, снимая с колючих стеблей гусениц, любясь набухшими нежными бутонами, Зольтах счастлив. Ему недавно доверили возделывать сад при дворце, и он всеми силами хочет здесь удержаться.

Внезапно что-то нестерпимым блеском вспыхивает в зарослях, и юноша наклоняется разглядеть, что же это. Золотой медальон на цепочке, на крышке – гравировка в виде трёх язычков пламени... Измазанные в садовой грязи пальцы вертят его – и медленно надевают на шею. Жаль, рядом нет зеркал – взглянуть, идёт ли ему дорогая вещь.

...На закате, собираясь домой, Зольтах вновь разглядывает находку – и обнаруживает, что у медальона откидывается крышка. Он уже почти надавил на неприметную защёлку, как вздрогнул от властного голоса:

– Откуда у тебя эта вещь?! Немедленно отдай!

Король Вернес Могучий кажется объят пламенем: закатное солнце садится за его спиной, и взглянуть ему в лицо, не жмурясь, невозможно. Не обращая внимания на требовательно протянутую руку, Зольтах возмущается – в мыслях – ведь это он нашёл медальон! Нечего разбрасываться вещами, если они вам дороги, Ваше Величество!

...Негромкий щелчок – и громкий треск ломаемых деревьев. Цепочка, разрываясь на шее дракона, вместе с амулетом улетает далеко в кусты.

Серое платье прячется под покровом серого же плаща. Босые ноги разгребают дорожную пыль – тоже серую. Мир утратил краски, сузившись до единственного мышинового цвета.

...Дракон унёс принцессу четыре месяца назад. Король бросил клич о награде за её освобождение, и вереницы рыцарей потянулись к Клыкостой горе. Ни один из них не вернулся.

Сначала Эхеан терпеливо ждёт, когда Райнен вернётся, – так дитя ждёт ушедшую мать, прежде чем разразиться беспомощным в своём отчаянии криком. Но дни идут, а нет и намёка на возвращение принцессы.

Она пытается играть – но чужой инструмент остаётся чужим. Струны не слушаются, гриф холодит ладони и душу, мелодия не ложится на сердце. Ни изукрашенные изумрудами и рубинами – ещё более роскошные, чем её золотая арфа, – ни обычные деревянные не льнут к рукам.

На рассвете, не оглянувшись, королевский менестрель покидает дворец.

...Эхеан нашла ту арфу в пять лет где-то в бездонных недрах дворца. С трудом проволокла её по переплетённому коридорам к себе – и больше не желала с ней расставаться. Сверкающая, как солнце, даже в самый пасмурный день, она стала продолжением рук и души менестреля, отогревая в ненастье и добавляя блеску праздничным дням. За полтора десятка лет она сроднилась с арфой настолько, что не представляла себя без неё.

Как и без Райнен.

Девочке десять лет, но выглядит она куда младше. Как загнанный и измученный зверёк, пугливо жмётся она в тень коридора. Тощий мальчишка в яркой крикливой одежде наступает на неё и, наслаждаясь происходящим, выкрикивает:

– И не смей больше ходить здесь! Тебе тут нечего делать... ты выродок, тебе место на конюшне, с лошадьми и конюхами!

Лицо мальчишки перекошено, он захлёбывается слюной, утверждая силу над девочкой, за которую некому вступиться.

Некому?..

Маленькая, но хлёсткая ладошка с размаху впечатывается в наглую физиономию. Мальчишка разворачивается, готовый втоптать обидчика в мраморный узорный пол... и, отпрянув, растеряно бормочет:

– Ваше Высочество... простите...

Шестилетняя девочка с золотым обручем на голове презрительно окидывает его взглядом и велит убираться. Что тот и исполняет со всей поспешностью. А Райнен произносит, обращаясь к Эхеан:

– Если тебя ещё кто посмеет обидеть – сразу говори мне. – Голубые глаза не по годам серьёзны.

Эхеан, не веря, смотрит на принцессу – и на протянутую в дружеском жесте руку. Вспоминая что-то из подсмотренных церемоний, внезапно она опускается на одно колено и, целуя детскую ручку, говорит:

– Моя госпожа, я клянусь служить вам в горе и в радости, и быть с вами всегда рядом... если можно.

– Хорошо, – важно соглашается Райнен. И через секунду, превращаясь из королевской особы в ребёнка, с любопытством спрашивает: – А как тебя зовут?..

Шум, лязг металла. Что могло стрястись тёмной ночью? Принцесса встревожено приподнимается на ложе из вереска, который принёс ей Зольтах.

Дракон лениво поворачивает морду и приоткрывает левый глаз. Потом правый. Горячий вздох вихрем проносится по пещере:

– А... опять... Но почему обязательно ночью-то?! До утра подождать удержу нет?..

– Куда ты? – испуганно спрашивает Райнен вслед выползающему наружу ящеру.

– Гостей встречать дорогих, – ехидно бросает тот, не оборачиваясь.

... У подножия горы спешившийся рыцарь колотит снятым шлемом по щиту – и по собственным доспехам. Столь самозабвенно, что даже не сразу замечает плавно опустившегося рядом дракона.

– И чего шумим? Чего тишину нарушаем? – зевая во всю пасть, вопрошает тот.

– Я пришёл сразиться с тобой! И освободить прекрасную принцессу Райнен Великолепную!

– Так прекрасную или великолепную? – уточняет дракон. – А я-то думал, что полкоролевства хочешь...

Рыцарь водружает шлем на голову и на пробу рассекает мечом воздух.

Дракон снова неудержимо зевает и, тряхнув гигантской головой, заявляет:

– Хочешь принцессу? Забирай, пожалуйста. У меня лишь одно ма-а-аленькое условие. Верни мне человеческий облик.

– Так ты не дракон? – от недоумения рыцарь опускает меч. – Но я же не колдун, откуда я знаю, как тебе расколдоваться?

Зольтах вздыхает и – в который уже раз – повторяет:

– А меня и должен расколдовать обычный человек...

Рыцарь пожимает плечами... но внезапно вспоминает собственное детство...

Рыжий огонь в камине тёплыми неровными бликами освещает комнату. Он создаёт уют – и одновременно заостряет до предела темноту за окном и за приоткрытой дверью. Что за чудовища прячутся во мраке?.. Мальчик лет семи теснее прижимается к сидящему рядом человеку, чья голова давно побелела – от возраста и от пережитого.

– Дедушка, а почитай мою любимую, про храброго рыцаря Рамадзана и Синего дракона...

Дед слегка усмехается:

– А прекрасную принцессу Лириен ты, значит, не уважаешь? Напрасно... – и, получив в ответ нетерпеливый жест, спокойно продолжает: – Тогда иди и принеси мне книгу.

Ромел втягивает голову в плечи. Идти за книгой – туда, к чудовищам, в темноту... Не утешает даже то, что можно взять тройной подсвечник с зажжёнными свечами.

– Так что же, Ромел? Ты хочешь быть похож на Рамадзана? – отчаянный кивок. – Тогда тебе нужно сразиться со своим личным Синим драконом. Иди и возьми книгу. Посмотри в глаза своему страху.

Прерывистый вздох подозрительно напоминает всхлип. Но дед как будто этого не замечает и вкладывает в детскую руку подсвечник.

Ромел поднимается и, сделав два шага к двери, вновь застывает.

– Иди навстречу страху. Так делал Рамадзан. Так можно перестать бояться. Так станешь человеком.

Ладони противно покалывает, исцарапанные коленки чудом не подгибаются. Рубеж преодолён: комната осталась за спиной... И, разозлившись, Ромел внезапно идёт не в соседнюю, куда ему нужно, а в чернеющий угол коридора, высоко подняв над головой подсвечник. Где там эти чудовища, пусть уже выходят наконец!..

И долго стоит, пытаясь осознать, почему никаких чудовищ там не оказалось.

Когда он протягивает наконец книгу, дед, не глядя, кладёт её на колени и повторяет:

– Так становятся человеком...

Дорога делает поворот, и за стеной деревьев не видно, что за ним. Лишь слышен топот копыт. Эхеан отступает с тропы на луг – а то ещё затопчут с разбегу.

Породистый конь. Хороший меч. Доспехи – так себе, обычная медь, но прочная. Рыцарь не самый знатный, но толк в своём деле знает.

– Эй, красавица, куда направляешься? – всадник, придержав коня, разглядывает незнакомку. – Может, подвезти?..

Острый взгляд серых глаз обжигает сильнее пощёчины:

– Ноги пока целы.

Девушка торопливо скрывается за поворотом, надеясь, что всадник тоже двинется своей дорогой. Не тут-то было. Спешившись и быстро ведя коня под уздцы, он говорит в спину Эхеан:

– Я зла тебе не желаю, не вор и не насильник. Но тропа эта ведёт к логову дракона – а дальше тупик. Я сам оттуда возвращаюсь. Может, ты сбилась с дороги, так помогу выбраться.

Менестрель оборачивается. Светлая прядь выбивается из собранной вокруг головы косы, и её треплет налетевший ветер.

– Мне туда и нужно. Дракон унёс мою госпожу.

– Госпожу? Так ты из свиты принцессы? И пошла за ней в такую даль одна и пешком?! – во взгляде рыцаря теперь смешиваются недоверие, восхищение и уважение. Девушка в ответ лишь кивает – и продолжает путь.

– Вот это верность, – бормочет под нос Ромел, качая головой. – Да о такой только легенды складывают, и то через слово врут... Подожди! – окликает он Эхеан. И торопливо идёт за ней.

Рыцарь, с трудом удерживаясь в седле, возвращается домой. Раны дают о себе знать – в голень, сквозная, и ещё одна, невидимая, но всё равно ноет. Ромел возвращается один – его оруженосец сказал, что уходит к другому господину, более удачливому. Герб с полумесяцем в разрезе туч сияет не так ярко, как пристало бы победителю: некому надраить доспехи.

Но рыцарь улыбается, глядя окрест. Вот и рожица, за которой высится башня с окнами едва ли не в рост. Скоро, совсем скоро он обнимет красавицу-жену – и раны утихнут. Не исчезнут, нет, но болеть станут меньше.

Он не видел сочувствующих взглядов прислуги, пока эхо шагов раздавалось по коридору. Рванул желанную дверь на себя. И застыл на пороге.

Белизна двух тел – как белый гной на ране. Женский крик, суетливая бегодня усатого маркиза. Кажется, они встречались на каком-то приёме... Память отказывала.

Каролина падает на колени, что-то стонет. А Ромел слышит: «твоя... навеки...» – среди гроздьев сирени в сумерках, среди строгих стен под звон колоколов... И собственный шёпот – «Каролина!» – посреди боя и мрака, что поднимал лучшие громких окриков военачальника.

В тёмных глазах вместо ярости – пустота.

– Ты не жена мне больше, – хриплый от сжавшего горло комка голос. – Уходи.

Кольцо, сдёрнутое с руки, со звоном катится под босые ноги женщины.

Болота... Проклятые болота. Страшна не столько трясины, сколько неясные блуждающие огоньки. Манят, дразнят, зовут за собой... парализуют, пригвождая мощные лапы к земле. Кажется, от одного их вида на загривке шевелятся чешуйки.

Но он делает шаг вперёд. И ещё. Сам не понимает, как. Огоньки то приближаются, то вновь убегают в толщу ночного тумана. Сердце кузнечным молотом стучит в ушах. Но Зольтах очень хочет стать человеком. И, отчаянно сорвавшись с места, на бреющем полете летит навстречу проклятым огонькам.

Огромного усилия стоит не зажмуриться, но ему удаётся и это. Зольтах ждёт, что крылья просто откажут нести его, и он рухнет в

трясину, прямиком на издевательски мерцающие точки. Но внезапно они исчезают.

Дракон разворачивается, решив, что в темноте не заметил, как перелетел на противоположный берег. Но нет – ноздри по-прежнему щекочет запах тины и стоячей воды. Только пугающих огней он больше не может разглядеть, как ни всматривается.

...Зелёные бока всё ещё тяжело вздымаются. Зольтах прикрывает глаза и уговаривает себя успокоиться: в пещере уже жарко от его шумных вздохов. Но теперь в них слышится разочарование – ведь он по-прежнему дракон...

Принцесса, стоя на пороге, вглядывается в облитую лунным светом тропу, проложенную сквозь острые камни. Клыкастая гора не зря так зовётся – ни подняться сюда, ни спуститься вниз человеку почти невозможно.

– Хочешь вернуться? – интересуется Зольтах, чтобы отвлечься.

Райнен оборачивается. Признание вырывается весенним ручьём:

– Не хочу. – Спohватившись, быстро добавляет: – Но там мой дом... Отец... Королевство, наконец! И Эхеан...

– А это кто?

Не отвечая, девушка медленно идёт вдоль стены, ведя по ней нежной ладонью.

Чёрные клубы дыма вместе с алыми язычками пламени вырываются из драконьей пасти – и сваленные сучья занимают огнём. Зольтах подцепляет брошенную заячью тушку и, вспоров шкуру в нужных местах, снимает её. На золоте мерцает кровавый след, но Райнен уже привыкла к подобному зрелищу.

Дразнящий аромат щекочет ноздри. Принцесса сыплет в жаркое соль и пряности – скорее всего она вновь недосолит или бухнет слишком много перца. Но страдает от собственного неумения лишь она сама, а потому учится Райнен быстро.

Поужинав, она усаживается у порога на кучу вереска, заботливо принесённую драконом, обхватывает руки коленями и уводит взгляд в небо. На закате ещё розовое, над головой оно уже темнеет и кажется столь близким, что хочется протянуть руку – и коснуться первой звезды...

– Здорово, правда? – морда дракона укладывается рядом и с таким же мечтательным выражением любуется на тонкий серп молодого месяца.

Райнен кивает. Ей уютно рядом с чудовищем. Можно болтать, а можно просто молчать, как сейчас – и неизвестно, что греет душу сильнее. Забота дракона окружает её, как объятия матери из смутных детских воспоминаний. Хотя здесь она не принцесса, а пленница.

Жёсткая чешуя слегка касается руки, и девушка вытягивает ноги, втайне надеясь, что дракон положит голову ей на колени. В самом деле, ему же наверняка иногда нужна подушка...

– Ладно. Ты как хочешь, а я спать, – внезапно заявляет Зольтах и уползает вглубь пещеры. Сворачивается там огромным клубком, пособачьи накрывая хвостом голову.

Райнен всё также смотрит на небо, но выступившие на нём звёзды уже не кажутся близкими.

– Ты будешь держать меня здесь, пока не встретишь того, кто вернёт тебе человеческий облик? – спрашивает принцесса, когда раздосадованный Зольтах протискивается под каменные своды. Очередной рыцарь просто ускакал восвояси после его признания, обозвав на прощание оборотнем...

Ящер не сразу оборачивается на голос Райнен, а та добавляет уже совсем тихо:

– А не думаешь, что это могу быть я?

– Ты? – удивляется Зольтах. Подобное ему как-то не приходило в голову. – Хмм... а что, вполне может быть... Что ж, попробуй. – В янтарных глазах дракона загорается надежда.

Всего лишь надежда... Ему нужна не принцесса, ему нужно расколдоваться – и забыть о проведённых здесь днях как о страшном сне...

Слеза скатывается по щеке, холодя кожу – и душу. Впервые Райнен понимает, почему её менестрель так часто играла печальные мелодии.

Нежные губы касаются шершавой драконьей чешуи. Девушка выдаёт себя с головой – но она должна хотя бы попытаться.

...Минуты текут. Чуда по-прежнему не случается.

Дракон разочарованно вздыхает:

– Ну, вот... Снова неудача. Постой... а почему ты выбрала такой странный способ?

Принцесса вновь идёт вдоль стены – теперь уже обратно, к порогу. Волосы её свешиваются, заслоня пылающее лицо – и печальные глаза. Зольтах запоздало соображает:

– Поцелуй... Поцелуй любящего рушит злые чары! Но... Райнен, это значит...

Та не отвечает, остановившись на пороге. Вновь смотрит на расстилающуюся под ногами даль. И очень хочет стать птицей – взлететь, подняться высоко-высоко в небо, подальше от земли и самой себя. И там, на высоте, сложить крылья.

Дракон же замолкает, не договорив. Прикрывает чешуйчатые веки, и прошлое уносит его на своих волнах...

Заря едва занимается, обливая небо золотой дымкой. Но Зольтах уже на ногах и возится в королевском саду. Он любит эти рассветные утренние часы, когда все ещё спят и никто не мешает сосредоточиться на своих мыслях.

Все ли?

Протяжная, сжимающая сердце мелодия льётся откуда-то сверху. В хрустальной тишине звук отчётлив, будто играют прямо за плечами. Невольно Зольтах вертит головой в поисках источника музыки – и внезапно садовые ножницы падают из его рук на влажную землю.

Девушка на балконе дальней башни дворца. Ветер взмывает чёрные кудри, заслоняя лицо, к тому же стоит она в профиль. Оранжевый свет окутывает её фигуру, и кажется она сотканной из несмелых ещё рассветных лучей.

А мелодия продолжается, набирая силу. В ней отчаяние и безрассудство, и безграничная вера в жизнь и красоту мира. Садовник стоит и не может сделать ни шагу, зачарованный.

Последний аккорд повисает в воздухе росинкой на лепестке. Взмывается в последний раз смоль волос – и девушка уходит. Кто она? Знатная дама? Почётная гостья? Служанка?.. Зольтах не бывает внутри дворца, ночуя в сторожке в глубине сада.

...С тех пор садовник не оставлял надежды ещё раз увидеть таинственную девушку, хотя и не представлял, как сможет её узнать. А через месяц он нашёл медальон.

На пороге пещеры вырастают два силуэта: пониже – в широком плаще, второй, позади – в доспехах, со снятым шлемом.

– Райнен! – тонкий, знакомый до сжавшегося сердца голос уносится под своды.

Дракон недоумённо поворачивает тяжёлую голову: ещё ни один человек не осмеливался сюда забираться. А принцесса, замерев на мгновение, срывается с места. Сноровисто перебравшись через разделявшие их груды сокровищ, заключает менестреля в объятия. Лица у обоих светятся ярче драгоценных камней под лапами дракона.

Райнен первая разжимает ладони и спрашивает:

– Как ты здесь оказалась?

– Пришла за тобой, – спокойно отвечает Эхеан, и глаза её лучатся.

Принцесса оборачивается на Зольтаха, потом смотрит на Эхеан и вновь – на дракона.

Рыцарь же, тенью подпирающий стену, с любопытством рассматривает Райнен. Но горестный вскрик менестреля отвлекает

его, и он, выхватив меч, принимает боевую стойку и оглядывается, готовый защищать её от неведомой угрозы.

Эхеан же бросается куда-то в угол пещеры – и, наклонившись, замирает. В наступившей тишине её всхлип слышится отчётливо, как звук упавшего с обрыва камня.

Она оборачивается, держа на вытянутых руках свою арфу. С порванными струнами.

В тёмном небе расцветают узоры салютов – сегодня день рождения принцессы. Не смотрит на них лишь маленькая фигурка, бессильно прислонившаяся к воротам дворца. У её ног лежит неразлучная арфа с лопнувшими струнами.

Райнен смеялась, гости кружились в танце, благоухали свежесорванные цветы в вазах – а у Эхеан не было времени даже полюбоваться великолепием. Она играла весь вечер почти без передышки.

Завтра вновь идти к дворцовым музыкантам и просить струны. А после натягивать их изрезанными пальцами. Помочь ей вряд ли кто согласится – Эхеан недолюбливают во дворце, несмотря на явную благосклонность принцессы. Она давно привыкла к этому, но сегодня усталость взяла своё, и грязные разводы ползут по лицу от размазываемых слёз.

...Фигура в сером плаще вырастает бесшумно – и как будто из ниоткуда.

– Отчего плачет королевский менестрель? – Женицина. Лицо под капюшоном молодое, глаза старые.

Эхеан не знает, что ответить. Она не привыкла жаловаться.

Женицина смотрит на содранные в кровь руки Эхеан. На сжавшиеся плечи. Поднимает арфу и задумчиво перебирает свитые кольцами мёртвые струны.

Ладонь пересекает царапина. Женицина углубляет её, вжимая острые обрывки в кожу, и что-то шепчет. Тёмные в сгустившихся сумерках капли падают на арфу – и свёрнутые кольца струн распрямляются.

– Теперь их не порвать человеку, – молвит колдунья, возвращая инструмент. – Но и другими не заменить. Если всё же лопнут, тебе придётся искать замену – и чем-то жертвовать.

Колдунья растворяется в ночи прежде, чем Эхеан успевает хоть что-то сказать.

– Ты... безмозглая ящерица! – кричит Эхеан на дракона, не заботясь о том, что одним движением лапы он может оборвать её голос навечно. – Мало что украл мою вещь, так ещё и испортил!

Теперь не починить... она была заговорена... – крик переходит в еле слышный шёпот.

– Ну я не знал же, – оправдывается Зольтах. Но менестрель не слушает его. В глазах её загорается мрачный огонёк, и девушка принимается расплетать уложенную вокруг головы косу.

– Может, струны всё же можно будет натянуть, – произносит принцесса. Эхеан не отвечает, расчёсывая золото волос поднятым золотым же гребнем. После оборачивается к Ромелу:

– Дай меч.

Тот смотрит на неё, не замечая, как рука сама протягивает оружие. И вскрикивает – кудри падают на сокровища, срезанные заточенной сталью.

Тонкие пальцы менестреля натягивают новоявленные «струны» – и на пробу касаются одной. Изумительной чистоты звук эхом разносится по пещере.

Эхеан опускается рядом с арфой. Смотрит на дракона, на свою госпожу, на рыцаря, в чьих глазах немой укор – и незнакомая доселе нежность. Они молчат – и тоже смотрят на менестреля.

Арфистка вскидывает руки, как крылья, в широких рукавах плаща – и тихий аккорд начинает мелодию, что так долго зрела без выхода.

Три пары глаз почти одновременно закрываются – потому что так проще справиться с болью и радостью, что, переплетаясь теснее влюблённых, текут по венам, воскрешённые музыкой.

Девочка с обручем на голове тербит королевскую мантию:

– А где же мама?

Тот устало отвечает, что мама задерживается, она обязательно придёт, только позже... но Райнен отчётливо понимает – ложь. Развернувшись, бежит из тронного зала – и горячие слёзы первой потери обжигают ладони.

...Балкон – самый высокий во дворце. С него хороший обзор. От кованых ворот ведёт дорога – куда она уводит? Есть ли вообще у неё конец? И доведётся ли принцессе сделать по ней хоть пару шагов? Она ведь не вольна распоряжаться собой, как хочет...

А линия горизонта подёрнута невесомой дымкой, и нестерпимо хочется добраться до неё, коснуться рукой, взглянуть – а что же там, за гранью...

Грусть туманит взор... но взгляд по-прежнему чист и светел...

Свой и чужой крики, сливаясь, стегают по ушам. Тяжесть меча в руке привычна по каждодневным тренировкам. Но на тренировках лезвие не заточено – и от точного выпада между пластин доспехов не окрашивается красным.

Первый бой окончен. Противник, слабо дёрнув разжавшейся рукой, затихает.

Первый убитый. Так победа это – или поражение?..

...Смеющееся девичье лицо среди гроздьев сирени. Стоны – жалкие, унижительные; звон упавшего кольца. Сердце отзывается прыжком вниз, но внезапно всплывает ещё одно лицо – не по годам серьёзное, с обрезанными золотыми кудрями.

Сердце ухаёт вновь, на этот раз – вверх.

Пещера. Одиночество. Люди разбегаются от одного вида – а они-то ему и нужны.

...Холодный блеск сокровищ. Ветер навстречу в полёте, небывалая сила – и мудрость. И желание – до царапающих камни когтей – вернуться, вернуться...

В глубоких янтарных глазах тоска – и надежда.

Изученные до последнего поворота переплетенья дворцовых коридоров. Принцесса медленно проводит ладонью по обшитой бархатом стене – и, кажется, та поёт под руками не хуже арфы менестреля. Дом...

– Райнен!

Пурпурная мантия, взметнувшись на обнимающих руках, скрывает алое платье принцессы. Пока никто не видит, король обнимает дочь вновь – и дыхание его прерывается на мгновение.

Но вот Вернес отстраняется и поправляет чуть съехавшую корону.

– Райнен. Нужно что-то решать. Я не могу отдать тебя в жёны твоему менестрелю, а судьбу твою пора устраивать.

На посветлевшее было лицо девушки драконьим крылом ложится тень.

– Нет, отец.

Вздёргивается упрямо подбородок, и не терпящий возражений голос чеканит слова:

– Я буду править Золотой Долиной одна. И пусть кто-нибудь попробует сказать, что у меня не хватит на это силы!..

Кажется, даже тень её вырастает. Райнен оправдывает своё прозвище – она и впрямь великолепна.

– Я поговорю с тобой позже, – молвит король, и полы его мантии взметают мельчайшую пыль на мраморном полу.

Райнен разворачивается и бредёт в противоположную сторону. И делает вид, что не замечает двоих у витражного окна.

– Да простит меня госпожа Райнен, – говорит Ромел, провожая взглядом принцессу, – но моя госпожа – ты...

И берёт в ладони смеющееся лицо менестреля.

Райнен Великолепная восседает на коне рыцаря – прямая и гордая более обычного. Сухи её глаза – пламя души плещется в них, грозя опалить. Но ужасаться и восхищаться некому – Ромел и Эхеан отстали. Трудно пешему поспеть за конным. Особенно если пеший и сам не торопится.

– Тяжёлая, наверное, твоя арфа, – кивает рыцарь на висящий за плечами девушки чехол. – Давай понесу.

Менестрель недоумённо пожимает плечами: она рада этой тяжести. Но что-то в голосе спутника заставляет взглянуть на него. И ноги сами останавливаются.

– Эхеан... – имя птицой слетает с губ, и прочие слова умирают, так и не прозвучав. Руки спешно стягивают железные перчатки – и раскрывают навстречу тёплые ладони.

Серые глаза недоверчиво смотрят на них. Тонкие пальцы невольно взмываются к остриженным кудрям. Впервые менестрель жалеет о капризном своём деле.

Широкие, в мозолях, ладони зарываются в остатки светлых волос.

– Ты не переживай, отрастут, – шёпот тревожит сильнее любимых мелодий. – А мне и так нравится...

Эхеан делает шаг вперёд и кладёт голову на плечо Ромелу. Доспех холодит и царапает кожу, но в объятьях теплее, чем у огромного камина в тронной зале.

Зольтах просыпается оттого, что лежит на чём-то холодном и жёстком. Он совершенно точно помнит, что засыпал, как и всегда, в пещере. Разве что свернулся в клубок теснее обычного, ёжась от острого, как собственные когти, одиночества. Люди ушли, а он остался. Драконом.

Две слезы, огромные и горячие, скатились тогда из янтарных глаз и, зашипев, истаяли тонкой струйкой пара. Будто и не было их. Будто и не было ничего: ни отчаянного полёта над болотом, ни смутившего поцелуя принцессы, ни сжимающей сердце игры менестреля.

Зольтах закрывает глаза и упрямо не хочет их открывать вновь. Он устал быть чудовищем.

Но лежать становится всё неудобнее, и он раздражённо поворачивается и шарит лапой, чтобы выяснить, отчего привычное ложе вдруг стало таким неудобным.

Лапой?

Белизна кожи в рассветной мгле сияет ярче серебра.

Не веря, Зольтах вскакивает и оглядывает себя. Долго. А потом окрестности оглашают смех и крик счастливого человека, что

безрассудно сбегает с вершины Клыкастой горы, не щадя новёхонький зелёный камзол – и собственную вновь обретённую жизнь.

– И всё-таки, – бормочет он, немного успокоившись, – кто же меня расколдовал?

Рыцарь, менестрель, принцесса. Лишь эти трое впервые за всё время отозвались на его просьбу – и попытались помочь, как умели. Каждый по-своему.

Махнув рукой – и всё ещё не веря, что это самая что ни есть настоящая человеческая рука – Зольтах решает поделить заслуги поровну. Он понимает, что все трое ему отныне дороги.

Хотя... нет. Одна дороже.

Мелодия рисует почти осязаемый узор: то убегает вдаль нежным ручейком, то обрушивается горной лавиной на незащитное сердце под толщей зелёной брони. Воспоминания увлекают Зольтаха, как и остальных слушателей. Но что-то неясное тревожит, и он никак не может понять, что именно. Как будто видел увлекательнейший сон – а проснувшись, мгновенно забыл, и досада не покидает всё утро.

Эхеан не закрывает глаз, но она слишком сосредоточена на игре. Никто не видит, как напряжённо вслушивается дракон, как нервно сворачивается и вновь распрямляется его хвост. Зольтаха не покидает ощущение, что эту мелодию он где-то уже слышал.

Ну конечно! Вон они, те аккорды, что подарили полёт раньше, чем у него появились крылья. Он уже слышал эту музыку – три года назад, в королевском саду...

Райнен резко поднимается и вновь выходит на порог, запрокидывая лицо, будто пытаясь разглядеть в изгибе горизонта что-то, доступное только ей. Хлёсткий ветер взметает её кудри – и Зольтах, наконец, складывает разрубленные половинки холста в одно целое.

Дворцовая башня. Девушка на балконе. Игра королевского менестреля...

...Он украл принцессу, потому что драконам это свойственно. Но понял, что начинает незаметно к ней привязываться – и это смущало. Ведь черноволосую незнакомку он тоже не мог – и не хотел – забыть. И как же хорошо, что забывать никого и не надо...

Скрещённые алебарды преграждают путь во дворец. Один стражник неуверенно произносит:

– Похож на нашего бывшего садовника...

– Не велено, – перебивает второй. Он здесь недавно и не помнит Зольтаха. Да и мудрено его узнать спустя три года.

– Проведите меня к принцессе, – драконьи отголоски в голосе заставляют стражников переглянуться и исполнить просьбу.

Райнен стоит у окна, скрестив руки. Истончившаяся, но всё такая же невыносимо гордая и прекрасная.

Оборачивается – и недоумённо рассматривает растрёпанного оборванца, пока не наткнется на виноватый взгляд жёлтых глаз. Их теперь обрамляет не зелёная чешуя, а обычное человеческое лицо. Но усмешка, доброта и – на доньшке – драконья мудрость – по-прежнему светятся в знакомых до остановившегося сердца глазах.

– Райнен... Я... ты...

...Старый Вернес стоит на балконе и, щурясь от заходящего солнца, смотрит на две пары, медленно бредущие по расцветшему саду. Рука сжимает ключ от сокровищницы, куда перекочевали драконьи богатства, ставшие выкупом.

Внезапно Зольтах вскрикивает и наклоняется. На раскрытой ладони вспыхивает огнём медальон на порванной цепочке. С тремя язычками пламени на крышке.

– Как вовремя ты нашёл его, – глубокий женский голос из-под серого капюшона. Требовательно протянутая рука.

– Вы та колдунья, – хрипло произносит молодой король. – Но к чему было всё это?..

– Чтобы вы помнили, что значит быть человеком. А ты, король, не забывай и о мудрости дракона, что перешла к тебе. – Медальон исчезает в кармане плаща. На прощание колдунья касается волос Эхеан – и прежний водопад кудрей золотой волной ложится на белое платье менестреля.

Мерцают свечи в зашторенной комнате. Книга в тяжёлом бархатном переплёте развёрнута посередине, и на страницах – причудливая вязь. Рядом разбросаны листы бумаги и стёршийся грифель. А на листах – принцесса, дракон, девушка с арфой, рыцарь на коне, король на троне... Картинки движутся, отображая всё, что с ними произошло.

Но вот они иллюстрируют уже не прошлое, а будущее: молодые король и королева с озабоченными лицами – соседнее королевство начало войну за острова и втягивает в неё Золотую Долину. Старый король горячо призывает откликнуться, но Зольтах не зря жил в шкуре дракона три года. В ход идёт всё: шантаж, подкуп, слежка, заверения и жаркие обещания – но через две недели соседи мирятся, не пролив и капли крови друг друга.

Золотистая в пламени свечей рука сгребает картинки и задумчиво держит их, чуть сминая при этом. На стол с глухим стуком ложится медальон – и губы колдуньи трогает лёгкая улыбка.

Сильные пальцы затачивают грифель. Бездумно вертя его, колдунья размышляет, что – и кто – будет следующим.

...А на картинках, небрежно брошенных в угол, жизнь продолжается, и маленькая девочка нетвёрдыми шагами исследует королевский сад, что когда-то возделывал её отец. А в высокой башне с огромными окнами женщина смеётся, глядя, как горит в рассветных лучах золотая арфа, к которой упрямо лезет сын.

Но колдунья уже не смотрит на них. Она сделала, что могла, дальше пусть разбираются сами.

...Грифель бесшумно опускается на бумагу – и первый робкий штрих оттеняет её пока ещё нетронутую белизну.

